

✦ ЭПОХА ЗАКАТА ИМПЕРИИ ✦

ЭПОХА ЗАКАТА ИМПЕРИИ

КОРОНА ИЗ КОСТЕЙ И ПЕПЛА

КНИГА 2. БЕАТРИС

ЛИЛИЯ ТОЛИБОВА
И ВЕРОНИКА ГОРДЕЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Вероника Гордеева
Лилия Толибова
Корона из костей и
пепла. Книга 2. Беатрис**

<https://litres.ru/74495104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Беатрис Конрад — идеальная Императрица. Безупречная улыбка, безупречная ложь, безупречная ненависть. Девять лет она носит корону, спит с убийцей своей семьи и ждёт. Она — та, кто отказалась от себя и продала душу самой Тьме. Пешки расставлены, Разломы не дают покоя всей Империи. Но не пешка ли сама Императрица?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	59
Г	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Вероника Гордеева, Лилия Толибова Корона из костей и пепла. Книга 2. Беатрис

Глава 1

Я проснулась раньше, чем это треклятое солнце полезло резать мне глаза тысячей ножей.

Я была одна — так проще. Так легче помнить, какая у меня миссия. Ради чего я терплю рядом всех этих жалких, подобострастных извращенцев с их лживыми улыбками. Ради чего вообще приходится жить и просыпаться,

Воздух в спальне был неподвижным, застоявшимся, будто его выдохнули неделю назад и с тех пор не меняли. Он пах воском, сушёными травами в саше и... пылью. Пылью веков, осевшей на позолоте. Пылью чужих жизней, растёртых в прах этой Империей.

Я лежала, уставившись в темноту балдахина, и слушала тишину. Она была не мирной. Она была выжидающей.

Эта тишина знала. Знала, что я здесь, знала, что я задумала, и молчаливо одобряла. Или просто ждала своего часа,

чтобы поглотить и меня тоже.

В этой тишине иногда проскальзывали шёпоты. Не слова, а обрывки ощущений, тени звуков. Может, это шелестели крысы за стенами. А может, это ползали по краям реальности те твари, что ждут, когда Разлом распахнётся шире.

Я не боялась их. Я их пригласила.

Я никогда толком не спала в одних покоях с Кассианом. Не выношу даже его сопения. Он похрапывает — тихо, почти мило. Но нет, Императрица Беатрис может спать только в своих покоях. Одна.

Пусть с Кассианом и вполне можно поразвлечься — он не так уж плох в постели, этот убийца. В его объятиях я чувствовала не близость, а власть. Власть над тем, кто уничтожил мою жизнь.

Каждая его ласка была маленькой победой, каждое его удовлетворённое рычание — доказательством его глупости. Он думал, что владеет мной. А я владела моментом его слабости.

С головой завернувшись в одеяло, чтобы хоть во сне быть защищённой от всего этого нарочито-пафосного великолепия.

Великолепие. Они так его называют. Я называю его позолоченным гнильём.

Для всех, абсолютно для всех, я — эталон. Идеал. Влиятельная фигура и верная супруга Его Величества Кассиана Конрада. И только здесь, в четырёх стенах, пока даже

фрейлины спят, размазывая слюни по подушкам, я могу хоть немного побыть сама собой.

Если эта странная, жалкая «сама собой» ещё где-то осталась.

Осталась ли? Иногда, в полусне, мне кажется, что я чувствую её — ту девчонку с распущенными волосами, которая верила в сказки и в честность отцовской улыбки. Она сидит где-то в самом дальнем уголке сознания, прижав колени к груди, и плачет. Тихо, чтобы никто не услышал.

Я ненавижу её слабость. Её веру. Её надежду. Я выцарапала её из себя ногтями, если бы знала, как добраться до той глубины, где она затаилась.

Но иногда, в особенно чёрные ночи, я прислушиваюсь к этому тихому всхлипу. Потому что это единственный звук, который по-прежнему честен. И потому что, уничтожая этот мир, я уничтожу и её. И это будет последним, самым сладким актом милосердия.

Но надо начинать день.

Пока прислуга продирает глаза, я уже у своего роскошного стола из массива дарги — редкий и дорогой материал, который днём с огнём не сыщешь — и торопливо открываю записи.

Сегодня встреча с хозяином звероловцев. Он давно обещал одного из «лучших» своих экземпляров.

Я провела ладонью по столешнице. Холод просочился сквозь кожу, пробежал до самого локтя. Хорошо. Холод бу-

дит. Холод напоминает. Напоминает, что роскошь — это тоже оружие. Оружие, которое они дали мне в руки, не подозревая, что я обращаю его против них.

Стол, за которым я веду свои истинные записи, стоил баснословных денег. Денег, выжатых из нищих провинций, выменянных на жизни солдат, добытых предательством. Каждый сантиметр этого чёрного зеркала был оплачен кровью.

И теперь он служил мне.

Ирония. Она была последней специей в этом пресном блюде под названием «жизнь».

Хотя, конечно, явиться на встречу в таком виде нельзя. В помятой ночной рубашке, с неприбранными волосами, без платья и корсета. И без «Иглы» — она всегда лежит под подушкой ночью и всегда при мне днём, пока тянется этот мучительно-липкий, странный в своей неотвратимости отрезок суток, когда солнце висит в небе.

Под подушкой... Я сунула руку под шёлк и холодную льняную простыню. Пальцы наткнулись на знакомую рукоять, обтянутую кожей ската. Шероховатую, надёжную. Я не вытащила её, а просто обхватила, чувствуя, как от стали исходит слабый, едва уловимый толчок, словно сердцебиение.

«Спокойно», — мысленно сказала я клинку, и себе заодно. Твой час придёт. Сначала нужно надеть другие доспехи. Доспехи из бархата и лжи. Они были тяжелее лат, но так же необходимы. Без них меня раскусят. Без них я не пройду первый же коридор.

«Игла» была моей истинной силой, но маска Императрицы — моим пропуском в самое сердце вражеской крепости. Нужно было облачиться в оба этих панциря.

На полях дневника, где было пусто, красовались чужие буквы, будто выведенные твёрдой рукой каллиграфа:

«Зверолюди — инструмент грубый, но эффективный. Не увлекайся. Красота разрушения — в тонкости. Твой А.»

Буквы казались не написанными, а выжженными. Бумага вокруг них слегка потемнела, стала хрупкой, будто от возраста или от жара. Я провела пальцем по строчке. Шероховатость. Лёгкое покалывание, будто от статического электричества, пробежало по коже.

Он всегда оставляет след. Невидимый шрам на реальности.

Это одновременно бесило и успокаивало. Значит, он наблюдает. Значит, план в силе. Значит, я не одна в этой игре, хоть и являюсь главной фигурой на доске. Королевой, которую готовят к превращению в другую королеву... разрушения.

Его почерк был безупречным, холодным, лишённым всякой человеческой дрожи. Таким и должен быть почерк того, кто старше человеческих царств. Иногда мне хотелось вырвать эту страницу, смять её и сжечь. Просто чтобы доказать, что могу.

Но я не делала этого. Потому что он был прав. Зверолюди были грубы. Но иногда грубая сила нужна, чтобы расчистить

площадку для тонкой, ювелирной работы.

Ох, какая предусмотрительность. Какое внимание к деталям. Король Демонов, каким ему ещё быть. И когда это всё уже закончится...

Нет. Надо довести начатое до конца.

«Довести до конца». Что это значит? Конца не будет. Будет прекращение. Взрыв, после которого не останется даже воспоминаний о том, что здесь что-то было.

Иногда я ловлю себя на мысли, что жажду не столько мести, сколько именно этого — абсолютного, финального молчания. Чтобы даже эхо от криков моей семьи наконец смолкло. Чтобы не осталось ничего, что могло бы причинить боль. Чтобы эта вечная, ноющая пустота внутри меня наконец совпала с пустотой снаружи.

Это и будет покой. Не мирный, а окончательный. И ради этого стоит прожить ещё семнадцать дней. Или семнадцать лет.

Я закрыла дневник и повернулась к зеркалу. Огромное, в филигранно-резной раме из чего-то очень дорогого. Позолота отливает звёздочками даже в утреннем сумраке. Я осторожно касаюсь кулона — капли авантариса, «Слеза демона», как зовут его ювелиры.

В зеркале моё отражение было бледным пятном в сумраке. Глаза — слишком большие, слишком тёмные. Как дыры, проделанные в реальности, ведущие в никуда. Кулон лежал на груди, чуть ниже ключицы, холодный и тяжёлый.

Камень казался глубже, чем должен быть. Если долго в него всматриваться, начинало казаться, что в его золотистых прожилках что-то шевелится. Медленно, вязко, как лава. Или как кровь под кожей.

Он был живым. Или, скорее, не-мёртвым.

Он был каналом, открытой раной в мире, куда сочилась тьма иного измерения. Я носила эту рану на себе, как клеймо. Как орден за предательство человечества.

Нужно снять. Ненадолго. И это каждый раз как маленькое преступление против самой себя.

Преступление. Да. Потому что без него я чувствую себя... голой. Не в физическом смысле. А разоружённой. Он — мой якорь в этой безумной реальности, мой доказанный факт того, что существует нечто большее, чем эта позолоченная клетка.

Но снять его необходимо. Это часть ритуала. Чтобы помнить, кто я без этой посторонней силы. Чтобы ненавидеть эту слабость ещё сильнее. Чтобы вновь ощутить ту самую, первородную ярость, которая привела меня к нему, а не наоборот.

Ярость была моей. Демон лишь дал ей форму и направление.

Я сняла кулон и положила на туалетный столик, прикрыв ладонью, будто пряча. Камень под ладонью пульсировал — глухой, медленный ритм, не совпадающий с биением моего сердца. Он был недоволен разлукой.

Пусть потерпит.

Власть всё ещё должна оставаться за мной, даже в этом союзе. Я не рабыня. Я — союзник по необходимости. Партнёр в преступлении. И я буду диктовать условия этого странного танца, даже если мой партнёр — сама Тьма.

Наклонилась над раковиной. Набрала полные ладони ледяной воды и ополоснула лицо. Вода такая холодная, что лицо и руки немеют.

То, что нужно. Просыпаемся.

Императрице Беатрис пора готовиться к выходу на сцену.

Вода стекала по щекам, по шее, затекала за воротник ночной рубашки. Капли, словно ледяные слёзы, которые я не могу позволить себе пролить.

Идеально. Боль. Чёткая, конкретная, управляемая. Не та размытая, грызущая боль воспоминаний, а вот эта — острая, моментальная. Она возвращает в тело. В настоящее.

Она смывает остатки снов, где иногда, в подсознании, я видела не пламя, а зелёные поля своего детства. Предательские сны. Их тоже нужно уничтожить.

Смыв остатки сна и кошмаров — и заодно «заморозив» в себе приемлемую для всех остальных маску, — я позвонила в колокольчик.

Звонок прозвучал резко, нагло разрывая утреннюю тишину. Я представила, как где-то в девичьих, в тёплых, пропахших сном и нематыми телами постелях, дёргаются две фигурки.

Просыпайтесь, твари. Вашей госпоже нужен её фасад.

Их страх, их спешка, их потные ладони — всё это было частью спектакля. И я была и режиссёром, и главной актрисой, и зрителем, который с холодным презрением наблюдает за пошлостью происходящего.

«Опять развлекались всю ночь, дочери огров», — думаю я, пока жду этих двух неторопливых фрейлин.

Я слышала их ещё за дверью — торопливое, спотыкающееся шарканье, сдавленный шёпот, полный паники. Они вечно опаздывали. Вечно были не готовы.

Как и весь этот мир.

Когда они являются, заспанные и помятые, я тут же приказываю одной подать платье — чёрный бархат с фиолетовым лифом из шёлка, и побыстрее. Моарта торопливо кивает своей наспех причёсанной головой и уносится, как демоном укушенная.

Её волосы, собранные кое-как, развевались за ней, словно жалкие жгуты. Я следила за ней взглядом, пока она не скрылась за дверью.

Бежит, чтобы услужить. Бежит, чтобы выжить.

Ни капли достоинства. Ни намёка на бунт. Просто инстинктивное подчинение более сильному. В этом что-то есть.

Они — часть системы, которую я ненавижу, но они же — её самые совершенные продукты. Идеальные винтики. Уничтожая систему, я уничтожу и их. И в этом не будет ни капли

сожаления.

Я бы, наверное, могла их предупредить. Отправить куда-нибудь подальше в день икс. Но зачем? Чтобы они прожили ещё несколько лет в своём жалком, тупом существовании? Чтобы родили таких же глупых детишек для новой Империи?

Нет. Милосердие — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Оно для тех, у кого есть будущее.

Вторая, Кармина, помогает надеть корсет. Пока она пыхтит, затягивая шнуровку, я ловлю последние полные вдохи. Скоро они станут мелкими глотками воздуха, а удары сердца будут отдаваться во всём теле, мешая думать.

Ткань корсета была жёсткой, неподатливой. Он не обнимал, а схватывал. Каждая косточка впивалась в рёбра, напоминая о границах, о пределах, о том, что даже дышать можно только с позволения. С позволения этикета, платья, положения.

Я смотрела в стену, чувствуя, как Кармина тянет шнуры, её пальцы, тёплые и влажные от усердия, скользят по моей спине. Каждое движение было грубым, лишённым изящества. Она делала свою работу, как дровосек рубит дерево.

Ещё сильнее стяни — может, получится придушить меня. О, да, давай. Убей императрицу, и тебя казнят. А потом встретимся в Аду, за Разломом. Я тебя буду так же шнуровать вечность напролёт.

Поднимаю голову и вижу на стене своих покоев портрет

той, что прежде была женой Кассиана.

Светлая, кроткая, добрая, наивная... Во имя Разлома, какая же она наивная! Нет, ни в коем случае нельзя уподобляться той, прежней. Её просто выкинули, когда она разменяла свою жизнь на жизнь уже четвёртого ребёнка... Достойно, конечно, но я не могу позволить, чтобы у меня, Беатрис, появились дети.

Никогда.

Её глаза на портрете смотрели куда-то вдаль, с мягкой, всепрощающей улыбкой. Она, наверное, верила, что её жертва что-то значит. Что спасение детей искупит её собственное ничтожество, её жизнь, прожитую в тени Кассиана.

Очередной рывок шнуровки вернул меня в реальность. Пора было надевать это тяжеленное платье — красивое, вычурное, тёмное, похожее на самые настоящие доспехи.

Мои доспехи. Каждая складка подола должна быть вымерена с точностью даты следующего аукциона — иначе я просто их казню, этих «мясных» девок.

Моарта вернулась, неся платье, как знамя. Бархат поглощал свет, отливая глубоким, почти поглощающим чёрным. Фиолетовый шёлк лифа переливался, как синяк на мраморе. Я подняла руки, и они накинули на меня эту тяжесть.

Ткань осела на плечах с ощутимым, осязаемым весом. Не граммы и килограммы, а бремя. Бремя лжи, которую придётся нести сегодня. Бремя улыбок, которые придётся растягивать на лице. Бремя ожидания, которое с каждым днём

становилось всё невыносимее.

Когда платье было надето, нужно было приступать к причёске.

Вес волос, ещё распущенных, чувствовался на спине. Живой, тёплый груз. Последний остаток чего-то естественного. Сейчас и это отнимут. Превратят в архитектуру, в символ, в часть доспехов.

Эти две дурочки позвали хоть кого-то поумнее — цирюльника Боггарта — как ни крути, этот слащавый блондин-переросток умел обращаться с моими волосами. Точнее, с тем, что осталось от них.

Он вошёл, кланяясь, с ящиком инструментов в руках. От него пахло розовой водой и чем-то химически-сладким, словно он пытался задушить собственный запах страха дорогими духами. Его глаза, бледно-голубые, бегали по комнате, избегая встречаться с моими.

Он боялся. Все они всегда боялись.

Но его страх был особенным — острым, животным. Он понимал, что одно неверное движение — и его искусство, его руки, его жизнь превратятся в ничто. И это понимание делало его идеальным инструментом.

Страх — лучший мотиватор.

На мгновение, пока в голову не вонзали шпильки, мне вспомнилось, как мы играли с отцом. Он меня всегда кружил в танце, пока не запыхаемся оба, и потом, распуская мне косы на ночь, гладил меня по голове, и говорил, что «цве-

та тёмной ночи волосы потекли ручьями по плечам. Храни свои волосы, дочка, в твоих волосах спрятана огромная сила. Спи, моя маленькая принцесса».

А потом уходил, нежно задув три свечи в канделябре у моего небольшого столика, там, дома...

А потом его просто прирезали, как оголтелого зверолода, выпустив кишки наружу...

Первая шпилька воткнулась мне в голову так, будто этот Боггарт хотел продырявить мне череп насквозь. Я подавила вскрик, тихо сказав:

— Драгоценный, Вам следует быть несколько осторожнее. Вы же не хотите своей казни, не так ли?

И я посмотрела на него. В его водянистых глазах факелом полыхнули искры ужаса, и он прошептал, что такого больше не повторится. Его руки весьма ощутимо и даже слышно задрожали, а на бледном виске проступила испарина.

«Что же, будешь думать, прежде чем что-то делать с моей головой, дитя моё...»

Капля пота скатилась с его виска и упала на перламутровую бусину одной из шпилек. Он замер, глядя на неё с таким ужасом, будто это была капля его собственной крови.

Забавно. Он боится не столько меня, сколько последствий своей ошибки. Его мир прост и понятен: большие деньги, большие риски.

Пытка со шпильками продолжалась около часа. Волосы постепенно укладывались в чёткую, строгую и тугую до бо-

ли причёску. Отлично, почти готово. Теперь может идти, он свою работу выполнил — уложил мои волосы так, чтобы я до конца дня не вспоминала о том, что они вообще есть.

В зеркале возникла чужая женщина. Её волосы были закованы в сложную, геометрически безупречную конструкцию. Ни одна прядь не выбивалась. Ни одного намёка на мягкость, на податливость.

Это была причёска-крепость. Причёска-гроб. Каждая шпилька — гвоздь в крышку. Я повернула голову. Конструкция не дрогнула. Она была частью меня теперь. Или я — частью её.

Голова гудела от напряжения, от сотни точек, в которые впились металлические острия. Эта боль будет моим тихим, личным звуком на весь день.

Напоминанием.

Напоминанием о том, что даже моё тело — не моё. Оно — территория, за которую идёт война. И пока что побеждают они, заковывая его в бархат и шпильки. Но последнюю битву выиграю я. Я превращу эту территорию в эпицентр взрыва.

Выпроводив цирюльника из комнаты, я не стала сразу звать фрейлин. Нужно было надеть ножны и понадёжнее их спрятать. И этого не должны видеть.

Никто.

Тишина, наступившая после его ухода, была густой, как масло. Я осталась наедине с этим новым, закованным в броню отражением.

Я взяла из ящика стола кожаные ножны, из чёрной толстой, дублёной — но они не тяжёлые, скорее, приятные, и потом приподняла подушку, чтобы вытащить «Иглу».

Лишь прикоснувшись к её рукояти, моя ладонь приятно нагрелась, и «Игла» будто сама просилась побыстрее повиснуть у меня на бедре. Разве я могу отказать в этой безмолвной просьбе той единственной вещи, которая готова меня защитить и при этом не рассыпаться, не заплакать, не убежать?

Этот небольшой меч стал продолжением моей руки.

«Хоть сейчас не надо через себя переступить».

Рукоять идеально легла в ладонь, будто её вырезали по слепку с моей руки. Сбалансированный вес, точёная форма. Это было оружие не для войны, а для точечного удара. Для тихого дела в тёмном коридоре. Для последнего аргумента в споре, который нельзя проиграть.

Я провела большим пальцем по гарде, чувствуя под кожей тончайшую насечку.

Мастера Эккарда знали своё дело.

Они создали не клинок, а продолжение воли. И они сделали это, не задавая вопросов.

Мелькнув розовым бликом в лучах восходящего солнца, меч почти бесшумно встал в ножны, и я закрепила эту конструкцию у себя на поясе. Тяжесть меча приятно толкнула по левой ноге, будто бы подбадривая. Я сделала шаг, и ножны мягко шлёпнули по бедру.

Тихий, секретный звук, который слышу только я.

Это был звук моего преимущества. Пока все вокруг видели императрицу в бархате, я знала, что под складками прячется меч. Это знание придавало походке твёрдость, взгляду — скрытую насмешку.

Попробуйте тронуть. Посмотрим.

Прикрыв ножны складкой подола, я ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на меня ответно смотрела Императрица: прямая, высокая, стройная, точёная, достойная стоять рядом с Императором. Та, которой кланяются, только увидев, и расплываются в улыбках и благоговейном шёпоте при встрече, произнося на восхищённом выдохе: «Доброго дня Вам, Ваше величество».

Оставался только последний штрих — надеть кулон.

Отражение было безупречным. И совершенно пустым. Глаза смотрели, но не видели. Губы были сложены в нейтральную, готовую к любезности линию, но за ними не таилось ничего, что было бы похоже на человеческую улыбку.

Это была маска, вырезанная из льда.

Я взяла его в руки и медленно обвела цепочку из серебра вокруг шеи и щёлкнула застёжкой. Кулон упал мне на грудь, сверкнув золотистыми вкраплениями. Я осторожно прикоснулась к нему пальцем правой руки — он был прохладным, но уже начинал нагреваться.

Прекрасно. Связь есть.

Можно было выходить из покоев и направляться на завтрак с Императором Кассианом и его отпрысками.

* * *

Завтрак прошёл спокойно, на удивление тихо и быстро. Кассиан что-то бормотал о новых налогах. Его потомки, два мальчика и девочка, аккуратно пережёвывали яичницу, изредка бросая на меня робкие, любопытные взгляды.

Они боялись меня. И были правы.

Я видела в них миниатюрные копии их отца. Те же черты, тот же взгляд. В них уже была заложена программа: властвовать, брать, использовать. Они были семенами нового поколения паразитов.

Мне хотелось взять вилку и вогнать её кому-нибудь из них в глаз. Просто чтобы посмотреть, как потечёт кровь по белой скатерти. Просто чтобы нарушить эту идиотскую, сытую тишину.

Но я лишь отпила глоток чая, вежливо кивая в ответ на что-то сказанное Кассианом.

Терпение, Беатрис. Всему своё время.

* * *

Я отправилась по своим делам.

Фраза звучала так невинно. «По своим делам». Как будто я собиралась проверить запасы в кладовой или обсудить с садовником посадку новых роз. Никто не знал, что мои «дела» вели в подпольный зверинец к торговцу живым товаром.

Эта двойная жизнь была моим воздухом. Без неё я бы задохнулась в этой позолоченной гробнице.

Коридоры дворца были не просто путём. Они были сия-

ющей, безжалостной, приятно пахнущей ароматами духов и пряностей, но самой настоящей клоакой Империи, по которой я шла к очередной порции отравленной пищи под названием «дело».

Каждый ковёр, каждый факел, каждый стражник у двери — всё это было частью одного гниющего организма, в теле которого я застряла, как осколок.

Недолго этому организму осталось, мне ли не знать.

Каблуки отбивали на мраморе чёткий, ровный ритм. Тук-тук. Тук-тук.

Миновала галерею предков — ряд выхоленных, самодовольных рож, взиравших на мир с портретов. Один, с бакенбардами и взглядом заплывшего удава, особенно напоминал Кассиана.

«Скоро и твоё лицо, мой дорогой муж, будет висеть здесь просто как памятник вымершей породе. Буду плевать в тебя, проходя мимо. И сожгу их всех, как только открою последний, тот самый Разлом» — подумала я и даже немного улыбнулась. Ровно настолько, чтобы моё лицо могло показаться почти живым.

Улыбка была крошечной, всего лишь лёгким подёргиванием уголков губ. Но внутри она была огромной, зубастой, жаждающей. Я представляла, как пламя лижет краску на этих портретах, как холсты коробятся и чернеют.

Представляла запах горящего лака и древней пыли. Это будет прекрасный запах. Запах очищения.

Широкие окна заливали всё потоками поддельного, наглого света. Он лез в глаза, выставлял напоказ позолоту, выявлял каждую пылинку на бархате драпировок.

Свет был соучастником. Он освещал этот спектакль, не давая ничему спрятаться в благородной тени. Я ненавидела этот свет почти так же, как тьму в покоях графа Торнхилла.

Почти.

Потому что и свет, и тьма служили одной системе. Свет — чтобы выставлять напоказ её величие. Тьма — чтобы скрывать её грязь. Не было места, где можно было бы спрятаться от неё самой. Разве что в собственной голове. И в планах по её уничтожению.

Это было моё единственное убежище.

Мои фрейлины, Моарта и Кармина, семенили сзади, стараясь не отставать и не приближаться. Я чувствовала их дыхание у себя за спиной, как дуновение от двух перепуганных мышей.

Я почти слышала этот будущий гул — топот когтистых лап, рёв, крики. Это будет музыка. Музыка расплаты. А эти две мышки... Что с ними будет? Растопчут в первую же минуту.

Жалко. Но не сильно.

Поворот. Ещё один. Дверь в Западное крыло, где размещалась «коллекция» нынешнего владельца. Здесь пахло по-другому. Не воском, духами и страхом. Здесь пахло деньгами. Грубыми, неутончёнными. Пахло кожей, металлом и

чем-то кисловатым, звериным, пробивающимся сквозь дорогие ароматические свечи.

Воздух был гуще, тише. Здесь не смеялись. Здесь считали.

Я сделала глубокий вдох. Этот запах был отвратителен, но честен. Он не притворялся благородным. Он говорил: «Здесь покупают и продают боль». И в этом была своя мерзкая чистота. Я предпочитала его сладковатой вони двора.

Здесь я знала, где стою. Я была покупателем.

Я приказала своим двум фрейлинам заняться делами, не бегать за мной по пятам. Но, так как думать сами они не умели, пришлось подумать за них. Моарту я отправила к шеф-повару, пусть скажет ему, что на ужин мне бы хотелось отве-дать стейка средней прожарки с салатом из свежих овощей, и пусть подадут мне моё вино и сыр бри. Кармину я отпра-вила на рынок — пусть подберёт и возьмёт образцы новых тканей у торговцев, может быть, получится подобрать что-то стоящее, ведь впереди ещё торжественные события — нуж-но новое платье.

Они поклонились и ушли, явно обрадованные тем, что избежали моего присутствия на какое-то время.

Идиотки. Они думали, что получили передышку. На са-мом деле они получили отсрочку приговора. Пусть насла-ждаются последними днями своей тупой, безмятежной жиз-ни. Пусть думают о стейках и тканях.

Как только они скрылись по разным сторонам коридоров за разными поворотами, я накинула на себя капюшон так,

чтобы не было видно лица — ни к чему, чтобы про Императрицу распускали слухи — и двинулась напрямик к потайному ходу, который вёл в катакомбы.

Капюшон из тонкой, но плотной шерсти скрыл не только лицо, но и часть обзора. Мир сузился до полоски мрамора перед моими ногами. Я шла быстрее, шаги теперь отдавались эхом в узком, сыром проходе.

Здесь не было позолоты. Здесь был голый камень, потёки влаги на стенах, запах плесени и земли. Реальность. Та самая, которую так тщательно прячут под коврами наверху.

Катакомбы были кишками дворца. По ним текли отходы, секреты, трупы.

* * *

У входа к Торнхиллу стояли двое его людей. Не рыцари в сияющих латах, а что-то приземистое, в тёмных кожаных одеждах, с глазами, как у сторожевых псов. Они оценивающе скользнули по мне взглядом — они видели во мне не Императрицу, а покупателя.

Очередного клиента.

В их взгляде не было подобострастия, только холодный расчёт. На мгновение мне это даже понравилось. Честная грязь лучше лживого глянца.

Я не сказала ни слова. Просто кивнула в сторону двери. Они обменялись быстрыми взглядами. Очевидно, меня ждали. Наверняка, Торнхилл предупредил их о визите «важной особы». Но даже он, наверное, не сказал им, кто я.

Для них я была просто богатой стервой, пришедшей купить экзотического питомца. Это устраивало всех.

Один из них молча отворил массивную дверь, обитую тёмным деревом.

— Вас ожидают внутри, милости просим.

Я кивнула, не удостоив их взглядом, и перешагнула порог. За моей спиной дверь закрылась с мягким, но чётким щелчком.

Воздух внутри был ещё гуще. Пахло ладаном, пылью, потом и... зверем. Не просто животным, а чем-то большим, диким, запертым. Я почувствовала этот запах на языке, едкий и возбуждающий.

Так пахла сила. Грубая, необузданная.

Торнхилл уже ждал меня. Деланно улыбнувшись, он произнёс:

— Моё почтение, Ваше Высочество. Как добрались?

Я метнула в него холодный яростный взгляд, скинув капюшон:

— Сносно. Ближе к делу, мой расчётливый друг, моё время очень дорого стоит.

Торнхилл чуть не подпрыгнул от чего-то, что было похоже на азарт:

— Смею заверить, госпожа, что у меня есть то, что Вам точно придётся по нраву. Касиэль. Очень сильный зверолод — пантера, сильнее и крупнее обычных, знает, что такое арена, но есть одна деталь... Он немного не готов, мне ещё нужна

но с ним поработать, моя госпожа...

На мгновение меня захлестнула ярость. Как он, этот жалкий торговец нечистотами, может предлагать мне что-то, что не готово?! Но нет, казнить его пока нельзя, он ещё нужен.

Думай, Беатрис...

Я вздохнула и ответила:

— Пантера — это хорошо. Извольте объяснить, граф Торнхилл, в чём будет заключаться эта работа? И сколько нужно времени, чтобы эта пантера стала моей? Помните, что цена — не важна.

Он замялся на секунду и слащаво произнёс:

— Моя госпожа, не стоит Вам знать, что это за работа...

Вы ведь пришли за товаром...

Достал, выкидыш крысолиса. Я не дала ему договорить:

— Вы смеее предлагать мне то, чего у Вас самого ещё нет. Ни зверолода, ни кого-либо ещё. Видно, мне стоит поискать другого, более ответственного торговца, у которого есть товар и он сам хочет получить оплату...

Торнхилл замахал руками:

— Нет, он есть. Но мне нужно немного времени, чтобы он стал более... послушным. Вы же не хотите, чтобы он разорвал Вас в клочья, потому что у него плохое настроение?

О, а вот это интересно. С этим можно работать. Сильный и безрассудный зверолод-пантера, который и правда может разорвать меня в клочья. Что ж, у меня есть дела поважнее, чем воспитывать эту зверушку. Так и быть, пусть делает всю

грязную работу за меня:

— Так вот как... Хорошо. Тогда у Вас есть три недели. Если не успеете его подготовить — к вечеру последнего дня к Вам придут не гонцы с авансовым платежом, а... Ну, скажем, мои посланники, которые не терпят проволочек даже на минуту. И у них... Свои методы, граф. Смею надеяться, дражайший мой торговец, что Вы уловили суть. У Вас три недели. Начала четвёртой лично для вас может не наступить, если не справитесь, граф.

Я ушла, оставив его думать. Это иногда полезно. Пусть попробует. И направилась обратно, в свою тюрьму, которую вынуждена называть «домом».

Мысль о том, что сделка заключена, что в мире теперь есть существо, которое совсем скоро может стать орудием хаоса, согревала изнутри. Кулон на груди отозвался на эту мысль лёгким, тёплым пульсированием.

Неплохо, — словно сказал он. Но не увлекайся грубой силой.

Я мысленно фыркнула. Не учи учёного. Но внутри понимала — он прав. Касиэль был инструментом. Важным, но не конечным. Конечным инструментом была я сама. И Разломы, которые я должна была открыть.

* * *

Вернуться в свои покои после той комнаты с клеткой было всё равно что нырнуть из кипящей лавы в стоячую, болотную воду. Тишина здесь была иной — не деловой, а ледя-

ной. Воздух, напоённый ароматами моих духов, казался теперь удушающим.

Я стояла посреди комнаты, дыша этой мёртвой роскошью, и чувствовала, как контраст душит. Там, внизу, — грубая, пахнущая жизнью (пусть и изуродованной) реальность — сделки, силы, риски. Здесь — выхолощенная, стерильная красота, за которой ничего нет.

Кроме ненависти.

Это чувство было единственным, что связывало эти два мира. Она была мостом между болотом и склепом.

Я отцепила кулон и швырнула его на туалетный столик. Камень звякнул о поверхность, сверкнув оттуда ядовитым золотым глазком.

Пусть полежит. Пусть остывает его демоническая болтовня.

Мне не хотелось слышать его одобрение или советы. Мне нужна была тишина. Своё решение. Свой страх, который я никогда не признаю даже перед собой. Страх, что трёх недель не хватит. Страх, что Торнхилл обманет. Страх, что я не успею.

Но страх был слабостью. А слабость нужно давить. Я давила его ненавистью. Ненависть была надёжнее.

Платье снималось с сопротивлением, будто не желая отпускать дневной гнёт. Каждый крючок, каждую шнуровку я расстёгивала сама, не желая звать фрейлин. Их пальцы, их дыхание были бы сейчас осквернением. Они не видели того,

что видела я. Сама переоденусь к ужину.

Ткань, тяжёлая и дорогая, наконец сползла с плеч и упала. Я стояла в корсете и нижней юбке, чувствуя, как кожа дышит после долгого заточения. Свобода была относительной. Корсет всё ещё сжимал рёбра.

Но это было уже что-то. Маленькая победа над днём.

Наконец, бархат с шелестом упал к ногам, тяжёлая, фиолетово-чёрная лужа. Корсет последовал за ним. Ничего, поужинают без моего присутствия, а свой стейк я могу съесть и в своих покоях. Императрица — мне можно... Я вдохнула полной грудью, и воздух, ворвавшись в лёгкие, показался едким.

Слишком много воздуха для такого дня.

Я стояла почти нагая перед огромным зеркалом. Тело было белым, почти прозрачным на фоне тёмного паркета. Следы от шнуровки корсета красными полосами пересекали кожу на талии и спине. Кожа была горячей, чувствительной.

Боль напоминала, что я жива. Что я всё ещё могу чувствовать.

«Игла» лежала у моих ног, тихо, недвижно. Даже как-то жалко, как будто её выбросили, посчитав швейной принадлежностью. Я бережно подняла её и положила рядом с кулоном.

Сталь и камень. Два моих союзника. Один — холодный и верный. Другой — тёплый и предательски манящий.

Я смотрела на них, лежащих рядом на тёмном дереве. Два

источника силы. Одна — простая, честная, смертоносная. Другая — сложная, двусмысленная, ведущая в пропасть.

Мне были нужны обе. Без «Иглы» я была бы беззащитна в мире людей. Без кулона — бессильна против самого мира. Мы подходили друг другу.

Я подошла к окну. На дворе сгущались сумерки, окрашивая сады в грязно-лиловые, синеватые тона. Где-то там, за этими стенами, ехал в новую клетку Касиэль.

Мой будущий инструмент хаоса.

Мне показалось, что мы с ним должны были стать союзниками. Он тоже, судя по всему, не очень любил людей.

Уголок губ дрогнул в подобии улыбки. Не радости.

Предвкушения.

Сделка была заключена. Цена — астрономическая, но не деньгами. Ценой был ещё один шаг вглубь той трясины, из которой уже не выбраться. Ценой было знание, что теперь у меня есть не просто «зверь».

У меня есть сообщник.

Сообщник. Да, пусть будет так. Не орудие, а сообщник. Так легче. Так... честнее. Мы оба были жертвами этой системы. И мы оба собирались её уничтожить. Разными путями, с разными целями, но уничтожить.

В этом был странный, извращённый родственный дух братства.

Я потушила все свечи, кроме одной. Легла в холодную постель. Прижалась лбом к прохладной шёлковой подушке.

Пламя единственной свечи отбрасывало на стены и потолок гигантские, пляшущие тени. Я закрыла глаза, прислушиваясь к треску свечи.

Это была лучшая колыбельная.

За стеной послышалось сдержанное покашливание — Кассиан возвращался к себе. Мило похрапывать. Мечтать, наверное, о том, чего он пока не мог сделать в плане Империи, о том, как его Императрица нежна и покорна.

Его шаги за стеной были тяжёлыми, уверенными. Шаги хозяина. Шаги того, кто думает, что контролирует мир.

Пришлось встать — негоже встречать Императора в постели, отвернувшись в стенку носом. Даже если ты — Императрица.

Конечно же, он заглянул в мои покои. Увидев, что я стою, почти нагая, он тихо и с уважением произнёс:

— Моя Императрица, Вы порадуете меня сегодня своим вниманием? Или Вам нездоровится? Позвать лекаря или жрецов, моя дорогая?

Ох, ни тех, ни других мне не надо.

— Мой благородный Император, мне нездоровится... но не стоит обременять этим пустяком лекарей или жрецов. Я немного устала, только и всего. Прости меня, мой нежный зверь, но я лучше сегодня побуду у себя, если мне позволено, конечно...

Он смотрел на меня и на моё платье у ног, раскинувшееся фиолетово-чёрными волнами, и я видела, слышала и чув-

ствовала, как он желает моего тела.

«Пусть видит то, чего не получит сегодня. Пусть помнит, что даже нагое тело Императрицы — неприкосновенно, если на то её воля» — какая хорошая мысль...

Император Кассиан тяжело вздохнул и, пожелав мне ясных снов, ушёл в свои покои, тихо затворив за собой дверь.

Глава 2

Я проснулась от мысли о том, что сегодня ночью Его присутствие ощущалось несколько иначе — более длительное, нежели всегда. Из темноты не хотелось вырываться — в темноте свет не резал глаза, и это было даже приятно.

Но... Предстоит большая работа, которую надо выполнить. И, смею верить, когда всё закончится, моих глаз более не коснётся свет этого проклятого солнца...

Я услышала его голос. Сегодня он особенно громкий. «Слеза Демона». Куда же я без твоей тёплой указки...

Я лежала неподвижно ещё несколько мгновений. За тяжёлые бархатные шторы просачивался первый утренний свет, рисуя на стенах причудливые узоры. В этом полумраке покои казались не обиталищем императрицы, а подобием усыпальницы.

Правильно. Надо привыкать быть как можно ближе... К концу.

Откинув покрывало, я села в постели. Холод утра обжёг обнажённые плечи острыми иголками, но я не поёжилась.

Три недели до полнолуния. Чуть меньше месяца до того, как Торнхилл сломает пантеру... Или сам станет «добычей». Только уже моей.

Эта мысль повторялась в голове как мантра. Скоро. Очень скоро всё начнётся.

Я коснулась паркета босыми ногами. Прикосновение отзывалось острой болью, пробегающей от пяток до самых кончиков пальцев, но мне это нравилось. Боль пробуждала, напоминала о клятве мести, которую я дала после того, как мою семью уничтожили, как болотных ползунов.

Каждый шаг по холодному полу был напоминанием о том, что я жива, и значит — я справлюсь.

Кулон лежал на туалетном столике там, где я его оставила ещё вечером, но даже через всю комнату я чувствовала его манящий зов. словно живое сердце, пульсирующее в ритме древних заклинаний.

Я взяла кулон в ладони, и демоническое тепло тут же разлилось по коже — сначала нежно, почти ласково, затем всё настойчивее. Оно поползло вверх по руке, словно живая змея, достигло плеча, скользнуло к груди и сжало сердце в тёплом, почти нежном кольце.

На мгновение мне показалось, что я слышу второе сердцебиение — не своё, а Его. Более медленное, древнее, пропитанное мощью тысячелетий.

— Ещё на шаг ближе к цели, моя путеводная нить. Пора. Голос не звучал извне — он был прямо в сознании, бархатный, низкий, пропитанный силой, перед которой хотелось преклониться, и ненавистью, от которой хотелось сбежать. В нём слышалась насмешка того, кто наблюдает за суетой смертных с высоты бесконечности.

«Три недели», — мысленно ответила я, застёгивая цепоч-

ку на шее. Камень лёг на грудь, и его пульс слился с моим, создавая единый ритм. Я чувствовала, как эта энергия наполняет меня, моё тело, но продолжает пожирать душу.

Если от неё вообще что-то осталось.

— Всё идёт по плану, — голос стал острее, острее.

— Торнхилл сломает пантеру. Зверь станет твоим оружием. Но помни, Беатрис — грубая сила лишь молот, раскалывающий оболочку. Истинная работа начнётся, когда Тьма воцарится, и ей нужно будет управлять.

«Благодарю за напоминание, Архивариус. Ты всегда так внимателен ко мне», — подумала я в ответ, создавая ещё одну завесу, через которую Он пока ещё ни разу не пробирался. У меня попросту почти не осталось сил. Но никому нельзя об этом знать.

Тихий смех прокатился по сознанию — липкий и тёплый, как мёд, смешанный с ядом. В нём чувствовалось не только веселье, но и предвкушение хаоса, который мы вскоре принесём в этот упорядоченный мир.

— О, ты так восхитительно самостоятельна, Императрица. Но я бы хотел напомнить о разнообразии. Мне кажется, ты давно не общалась со своей... семьёй, не так ли, моя колкая льдинка?

Я сжала кулон в ладони так сильно, что острые грани впились в кожу, но крови не было. Камень не ранил — он метил.

«Ты, как всегда, прав. Разнообразие точно будет, мой Повелитель».

— Слова твои — музыка для меня. Я скоро вернусь, Бетрис. Приятно иметь с тобой дело.

Голос умолк, оставив после себя лишь слабый аромат серы и пепла. Я разжала ладонь — на коже остались красные отметины от граней кулона, но они уже бледнели.

Подойдя к зеркалу, я внимательно изучила своё отражение. Идеальная Императрица смотрела на меня с поверхности полированного серебра — лицо спокойное, благородное, полное достоинства.

Но я видела то, что скрывалось за этой маской: холодную ярость, терпеливо ожидающую своего часа, и жажду разрушения, которая с каждым днём становилась всё сильнее.

* * *

Малая столовая встретила меня привычной картиной императорского единства — той самой игрой, которую мы разыгрывали каждое утро с безупречной, отработанной до автоматизма точностью. Массивный дубовый стол, накрытый белоснежной скатертью, серебряная посуда, отражающая утренний свет, свежие фрукты и выпечка — всё это создавало иллюзию семьи и процветания государства.

Но я видела правду, скрытую за этим фасадом: каждый сидящий здесь человек был жалким рабом своих страхов, амбиций и обязанностей. Каждый играл роль, назначенную ему судьбой или обстоятельствами.

И каждый ненавидел эту роль по-своему.

Император Кассиан III, убийца моего отца, сидел во гла-

ве стола, и даже сейчас, за завтраком, его осанка оставалась безупречно прямой — спина как стрела, плечи развёрнуты, подбородок слегка приподнят. В свои сорок семь лет он всё ещё выглядел грозным воином: высокий, с мощным каркасом мышц, сохранившимся со времён активной военной службы.

Каждый его жест говорил о привычке командовать, о том, что он никогда не сомневается в своём праве решать чужие судьбы.

Тёмные волосы, густо тронутые благородным серебром у висков, были аккуратно зачёсаны назад. Но в этой седине я видела не мудрость возраста, а бочки крови, пролитой ради власти. Его лицо с резкими, чёткими чертами было изборозжено морщинами, но это были не морщины смеха — это были борозды постоянного напряжения, след десятилетий правления железной рукой.

Острый взгляд серых глаз скользил по донесениям с той же беспощадностью, с которой он когда-то рассекал врагов мечом на поле боя. В этих глазах не было ни капли тепла — только холодный расчёт и готовность уничтожить любого, кто встанет на пути к цели.

«Как же ты постарел... Но это тебе даже идёт, мой Император. Ничего, скоро вся твоя голова станет белой... Или — красной. От крови».

Принцесса Роза, двадцатидвухлетняя дочь императора, сидела по правую руку от отца, и в каждом её движении

чувствовалась осторожная наблюдательность. При своём не очень высоком росте и слегка полноватой фигуре она могла бы показаться обычной придворной дамой, увлекающейся сладостями и романами.

Но стоило взглянуть в её карие глаза, прищуренные в гримасе внимательности, как становилось ясно — перед тобой острый, расчётливый ум, способный разгадать самые сложные интриги.

Её густые тёмно-русые волосы были заплетены в тяжёлые косы толщиной с мужскую руку — не изысканная придворная причёска, призванная подчеркнуть женственность, а символ природной силы. Роза не тратила время на пустые украшения.

Хоть в чём-то мы с ней похожи.

Сейчас она неторопливо намазывала булочку маслом, но я видела, как её взгляд постоянно возвращается к каждому из сидящих за столом. Она смотрела на всех так, как непозволительно было смотреть принцессе, выстраивая невидимые карты влияния и зависимостей.

Что ж, думаю, ей стоит напомнить об этикете.

«Слишком умная девочка. Она подозревает, что что-то не так... но пока не знает что именно. Это её слабость — подозрение без доказательств. Таких глупостей никто не воспринимает всерьёз. Да и её природа против неё — кроме папеньки никто не заплатит за её слова и медной кроны. А вот за тело — могут и золотыми расплатиться...»

Девятнадцатилетний принц Дэмиан сидел в углу стола, практически растворившись в тени. Его хрупкое телосложение делало его похожим скорее на библиотекаря, чем на принца великой империи. Сутулость — результат бесчисленных часов, проведённых за манускриптами и алхимическими трактатами.

Отстранённое выражение лица и рассеянный взгляд ореховых глаз говорили о том, что его мысли в данный момент витают где-то в мире магических формул и научных гипотез. Его русые волосы небрежно падали на лоб — постоянный предмет недовольства отца, который требовал от сыновей строгого соблюдения «правил игры».

Пальцы Дэмиана машинально чертили что-то на салфетке — то ли руны, то ли формулы, только ему ведомые закорючки. Он был полностью поглощён книгой, которую читал даже за завтраком, изредка что-то бормоча себе под нос — воистину, умом тронулся, бедняжка...

«Безобидный мечтатель. Живёт в мире иллюзий и теорий. Посмотрим, как ты запрыгаешь, когда тебя станут поджаривать ещё живым. Может быть, тогда и повзрослеешь».

Дэмиан не был опасен. Всё равно что мышь против целой своры кошек. Даже клочка серой шерсти не останется.

Девятилетняя принцесса Марианна сидела между братьями, маленькая и хрупкая, казавшаяся младше, чем она есть. Её худощавое тело было словно готово раствориться в воздухе от одного резкого слова. Каждое движение выдавало глу-

бокую неуверенность — она постоянно оглядывалась, словно ожидая неприятностей или что придёт добрый эльф и уведёт её за руку прямо в волшебный лес.

Наивная глупышка, жизнь которой стала смертью той, в чьей утробе она была зачата.

Светло-карие глаза, взгляд «забитого волчонка» — она испуганно рассматривала всех, избегая прямого контакта. В них читалась постоянная тревога, желание стать невидимой, исчезнуть, чтобы не причинить никому неудобств.

Тонкие тёмно-русые волосы были аккуратно уложены — причёска бедной родственницы, а не принцессы империи. Она крошила хлеб на мелкие кусочки, не притрагиваясь к еде, прижимая к груди мягкую подушку — своё постоянное утешение и защиту.

Будто бы подушка могла помочь.

«Даже иногда жаль эту "мышку". Но её можно приласкать — и тогда она пойдёт за мной туда, куда я ей скажу. Даже в пасть Разлома».

И наконец — мой главный источник энергии на сегодня. Двадцатипятилетний Александр сидел прямо напротив меня, и его поджарое, упругое тело было напряжено, как туго натянутая струна идеально настроенной арфы. В каждом движении чувствовалась сдерживаемая энергия — энергия воина, привыкшего решать проблемы мечом.

Его аристократически правильные черты лица были бы привлекательными, если бы не едва сдерживаемая непри-

язнь, которая портила весь его благообразный вид. Густые белые волосы были слегка взъерошены — верный признак того, что он провёл утро на тренировочном поле, выплёскивая свою горячую энергию в поединках с «теньями».

Пронзительные серо-зелёные глаза встретились с моими с неприкрытой враждебностью. В них полыхал огонь — не просто раздражение, а глубокая, выжигающая ненависть. Он ненавидел меня за то, что я заняла место его матери. За то, что я была его ровесницей. За то, что отец слушался меня больше, чем его.

«Да... пожалуй, ты. Именно ты, мой юный и горячий принц Александр, станешь обещанным разнообразием».

— Рада всех лицезреть в добром здравии, мой Император, принцы и принцессы, — произнесла я, входя в столовую и изображая улыбку Идеальной Императрицы. Эта маска почти срослась с моей кожей, а интонации были верхом изящества и дворцового этикета, за которыми никто и ничего не мог увидеть или почувствовать.

Я опустила на своё место рядом с Кассианом, изящно расправив складки платья. Утренний наряд из тёмно-синего шёлка подчёркивал мой статус, но не выглядел вызывающе — идеальный баланс между элегантностью и скромностью.

Отклики были предсказуемы, как заученная пьеса: формальные кивки Розы и Дэмиана, едва слышный шёпот Марианны («Здравствуйте, Ваше Величество...»), сдержанный кивок Кассиана.

И красноречивое молчание Александра.

Кулон дрогнул, словно почуяв приближающуюся бурю эмоций. Камень нагрелся, прижавшись к коже на груди.

«Поиграем, наследный принц... Посмотрим, как ты сыграешь ЭТУ партию, "сынок"».

Я неспешно взяла чашку с чаем, отпила маленький глоток, наслаждаясь напряжением, которое уже начинало стучаться в воздухе. Оно было почти осязаемым — густое, как мёд, сладкое, как карамель.

— Александр, дитя моё, — голос мой был тих, но отчётлив. Я слегка наклонила голову, изображая материнскую заботу. — Вы чем-то опечалены или кто-то посмел нарушить Ваш сон? Я вижу усталость в Ваших светлых глазах. Меня это удручает.

Я прекрасно знала, что он терпеть не может, когда я обращаюсь к нему как мать — это мне и нужно сейчас. Давай, принц, повесели меня.

Александр медленно поднял взгляд от тарелки, и в серо-зелёных глазах полыхнуло что-то хищное и опасное. Его пальцы сжали вилку чуть сильнее необходимого.

— Тронут заботой, Ваше Величество. Я прекрасно провёл эту ночь, бодр и полон сил.

Слова были вежливыми, но тон — ледяным, каждый слог отточен, как лезвие кинжала. В его голосе слышалось едва сдерживаемое презрение.

Роза застыла с булочкой на полпути ко рту, её карие гла-

за быстро метнулись между мной и братом. Дэмиан поднял глаза от книги, почувствовав нарастающее напряжение. Марианна сжалась ещё сильнее, вжимаясь в подушку, словно пытаясь соединиться с ней.

«Ха, вот так даже. Расстроил ты меня, Александр».

— Глаза матери видят больше, чем то, что можно выразить словами, — продолжила я, наклонившись вперед и изображая искреннюю заботу. — Взрывы на полигоне слышны даже в моих покоях. Такие громкие и так много.

Я сделала небольшую паузу, давая словам впитаться.

— Вы слишком устали, должно быть, от бесконечных тренировок, видно, что Вы измотаны, дитя моё. Вам стоило бы больше заниматься дипломатией, а не слушать звон клинков. Далеко не все вопросы решаются грубой силой, сын мой. Для Вашего отца этот навык не менее ценен, чем владение оружием.

Воздух в комнате сгустился. Даже слуги, подающие еду, замерли, чувствуя нарастающую опасность.

Александр медленно отложил вилку. Его движения стали напряжённо-контролируемыми — верный признак того, что внутри бушует ураган. Пальцы сжались в кулак, костяшки побелели.

— Дипломатия? — повторил он тихо, слишком тихо. — Вы считаете, что защитить Империю можно только лишь красиво обманывая и выстраивая башни из ненужных слов?

В его голосе появилась опасная нотка, и я почувствова-

ла, как кулон буквально вибрирует. Демоническая энергия пульсировала в такт моему пульсу.

«Умничка, отлично, продолжай, мой вспыльчивый. Какой взгляд, какие глаза... даже возбуждает».

— Я считаю, — голос мой стал почти шёлковым, мягким, как прикосновение кашемира, — что будущий Император обязан уметь не только красиво размахивать клинком на поле боя, но ещё и виртуозно применять клинки слов, которые могут ранить не хуже меча, сын мой.

Я опустила взгляд на свои руки, сложенные на столе, изображая смирение.

— Дипломатия — это то, что отличает настоящего Императора от вспыльчивого и безрассудного юнца, который может одним неверным словом погубить всю Империю разом. И тогда не поможет даже отточенная техника владения оружием и магией.

Пауза. Я медленно подняла глаза и встретила взглядом с Александром.

— Вы не согласны с Императрицей, мой юный друг?
Эффект был вполне ожидаемый и именно тот, которого я ожидала.

Лицо Александра сначала побелело, словно вся кровь отлила от головы, а затем налилось алой краской — он стал похож на спелую ягоду клубники, когда она в самом соку. Его тело напряглось так сильно, что мышцы проступили под тканью рубашки, выставляя напоказ всю его физическую мощь.

— Вы... — он осёкся, сжав челюсти так сильно, что желваки заходили ходуном. Вены на шее набухли. — Вы осмелитесь учить меня править Империей?!

— АЛЕКСАНДР! — голос Кассиана грянул громом, отразившись от стен столовой.

Но принц уже не слышал предупреждений. Характер, о котором уже ходили слухи и складывали легенды менестрели, вырвался наружу. Он вскочил с места так резко, что стул с грохотом опрокинулся, звук металла о камень отозвался гулким эхом, и даже немного дрогнул стол.

— Отец! ОНА будет учить меня быть ТОБОЙ?! — его голос сорвался на крик, в котором слышались нотки отчаяния. — Она пришла на всё готовое и будет учить меня, как править тем, чего не создавала?! Она и так заняла место моей матери и смеет называть меня своим сыном, а ты ей всё позволяешь!

Его глаза горели яростью, в них отражался огонь, почти как тот, в пламени которого родился сам Король Демонов. Его руки дрожали — не от страха, а от переизбытка адреналина.

— Она — НИКТО! — продолжал он, и в голосе появилась горечь старых ран. — Безымянная выскочка...

— АЛЕКСАНДР!

Кассиан поднялся во весь рост, его массивная фигура излучала угрозу, которой мог позавидовать бы и Разлом. В этот момент он не был отцом — он был Императором, готовым

уничтожить любого, кто осмелится бросить вызов его власти. Его серые глаза сверкали яростью, которую он обычно так тщательно скрывал.

— Ты позволяешь себе слишком много. Немедленно покинь зал и постарайся успокоиться. Мы обсудим это с тобой позже.

Каждое слово было выверено, произнесено с филигранной точностью человека, привыкшего, что его приказам подчиняются беспрекословно.

Марианна всхлипнула и прижала подушку к груди, пытаюсь слиться с ландшафтом. Её глаза были полны животного ужаса — она всегда боялась громких голосов, конфликтов, любого проявления агрессии.

Взгляд Розы метался между отцом и братом с нарастающей тревогой. Она быстро анализировала ситуацию, ища способы «нейтрализовать угрозу» или хотя бы уменьшить расходы на ремонт. Она понимала, что такие публичные скандалы подрывают авторитет её семьи.

Дэмиан застыл бледный как мел, его глаза расширились от ужаса и стали походить на болотные камешки — кажутся твёрдыми, но рассыпаются от лёгкого прикосновения. Книга выпала из его рук, но он даже не заметил этого.

Кулон на моей груди пульсировал в экстазе, впитывая волны гнева, страха, боли, разочарования, как плодородная почва впитывает редкий летний дождь.

«Да... ДА! Гори, детка, гори. Каждая твоя истерика лишь

пища для Него. А в тебе пищи много. Впрочем, огня тоже хватает».

Александр стоял, тяжело дыша, его кулаки сжаты так, будто он душил врагов на войне. Грудь вздымалась от частого дыхания. В его взгляде была не просто злость — чистая, огненная ненависть, которая могла расплавить сталь.

Он смотрел на меня так, словно хотел сжечь одним только взглядом.

Великолепно. Пусть ненавидит.

Ненависть — это то, что начисто сжигает всю душу и все человеческие чувства. Мне ли не знать.

Я встретила его взгляд спокойно, почти с сочувствием, наклонив голову в жесте, который приняли за прощение. Мой голос, когда я заговорила, был полон понимания и заботы.

— Ничего страшного, Ваше Величество, — тихо произнесла я, обращаясь к Кассиану, но не сводя глаз с Александра. — Наследный принц действительно очень устал, но не желает показывать это, считая физическую измотанность — непозволительной слабостью.

Последнее слово я произнесла с едва заметной усмешкой, и это было последней каплей.

Лицо принца исказилось от смеси ярости и унижения. Он понял, что попался на мою удочку, что я специально спровоцировала его на эту вспышку, и это превратило его в подобие вулкана.

Секунду он стоял, балансируя на грани, и я видела, как в

нем борются инстинкты. Воин требовал броситься на меня, разорвать наглухо самозванку на части. Но, воспитанный в дисциплине, заставлял себя сдержаться.

Принц победил. Жаль.

Александр резко развернулся и направился к выходу, его движения были резкими, рваными — движениями человека, едва сдерживающего желание что-нибудь разрушить. Он не хлопнул дверью — это было бы слишком по-детски, но его жёсткие шаги гулко отдавались в коридоре, постепенно затихая.

Тишина, повисшая в столовой, была оглушительной. Она давила на плечи, заполняла каждый уголок пространства, делая воздух густым и тягучим.

Кассиан медленно опустилсся на стул, и в этом движении читалась усталость не физическая, а душевная — усталость отца, который не знает, как справиться с непокорным сыном. Его резкие черты стали ещё жёстче, губы сжались в тонкую линию.

— Прошу прощения, Императрица, — произнёс он наконец, и в голосе слышалось искреннее сожаление. — Вспышки гнева подобного рода не к лицу наследному принцу, Вы правы, моя госпожа. Любовь моя, прости сыну моему его вспыльчивость. Ты не должна слышать таких слов. Я поговорю с ним.

Я видела, как он массирует переносицу — жест, который выдаёт сильное напряжение. Кассиан привык контролиро-

вать ситуацию, но с собственным сыном у него это почти не получалось.

— Мой Император, прошу, не суди его строго, — мягко ответила я, опустив глаза. В голосе звучала лёгкая печаль, словно я действительно переживала за Александра. — Он молод и горяч, разве можно на это обижаться, свет моего сердца?

Я сделала небольшую паузу. Надо, чтобы он понял, что я сказала. Да и не к лицу Императрице сыпать словами, словно песчинками. Но Император молчал, я решила продолжить:

— Он никогда не примет меня, как родную и как равную, Кассиан. Боюсь, что для этого понимания может не хватить и целой жизни, душа моя...

Последняя фраза прозвучала с такой искренней, пронзительной печалью, что даже пронизательный взгляд Розы на мгновение смягчился. В её карих очах промелькнуло что-то похожее на сочувствие и понимание.

«Какие же вы все... слабые. Из вас всех словами можно сделать послушных кукол, даже без магии».

Дэмиан неуверенно потянулся к упавшей книге.

Марианна по-прежнему прижимала подушку к груди, но теперь её светло-карие глаза с любопытством поглядывали на меня.

Интересно. Она видит во мне кого-то, кто тоже страдает. Браво, Беатрис. Отлично.

Под платьем кулон пульсировал от удовольствия, насы-

щенный свежими эмоциями.

Где-то за гранью реальности довольно кивнул Король Демонов.

— Так не должно быть, Беатрис, — сказал Кассиан, и в голосе слышалась усталость. — Но это не оправдание. Он наследник. Он обязан контролировать себя. Особенно при дамах. Особенно при детях.

Его взгляд скользнул по Марианне, и я увидела в нём смесь вины и беспомощности. Он знал, что его младшая дочь слишком много видела, слишком много слышала конфликтов в этом доме.

— Мой Император, не стоит так переживать, — продолжила я, изображая сочувствие. — Я хочу, чтобы он стал достойным сыном своего отца и мудрым правителем, чтобы продолжить твоё правое дело.

«О да, я очень беспокоюсь о том, каким правителем он станет. Не приведи Архивариус, чтобы Александр вообще когда-нибудь занял трон. Даже в графстве».

Роза отложила булочку, она молча изучала меня с новым интересом. Я видела, как в её голове выстраиваются новые гипотезы, как она вслушивается в мои слова и интонации.

Она не так умна, чтобы полностью поверить в мою игру. Когда завтрак закончился, Кассиан поднялся.

— Мне нужно в совет, — сухо произнёс он, не глядя ни на кого. — У нас проблемы с северными границами, и торговые споры с восточными провинциями требуют немедлен-

ного решения.

Затем его взгляд остановился на мне.

— Беатрис, любовь моя, не могла бы ты уделить время Марианне сегодня? Ей нужно... — он запнулся, подыскивая слова. — Больше внимания. Женского внимания.

Он не смотрел на младшую дочь, когда говорил это. Для него она была обязанностью, которую можно делегировать, проблемой, которую нужно решить с минимальными затратами собственного времени и эмоций.

Маленькая принцесса дёрнулась, словно её ударили в спину. Её глазки округлились — не от радости, а от панического страха. Она знала, что значит «уделить время» во дворце. Обычно это означало очередные уроки о том, какой она должна быть, критику за то, какая она есть, и холодное разочарование в её неспособности соответствовать.

— Конечно, свет моего сердца. Я буду рада провести время с нашей юной принцессой Марианной. — Я повернулась к девочке и улыбнулась — мягко, тепло. — Если, конечно, ты сама этого хочешь, дитя моё.

«Клинка требуют заточки и хорошейковки. Вот и займёмся этим».

Марианна вздрогнула от неожиданности. Никто никогда не спрашивал её мнения. Никто не интересовался её желаниями. Ей просто говорили, что делать, и она выполняла, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Я... — она запнулась, покраснела, — я была бы рада,

Ваше Величество.

Кассиан удовлетворённо кивнул и направился к выходу. Роза задержалась на мгновение, её взгляд метался между мной и Марианной. В нём промелькнуло беспокойство — инстинктивное, не основанное на фактах, «семейное».

Она чувствует опасность, но не может её определить. Хорошо.

— Успехов тебе, Марианна, — негромко сказала Роза, и в этих словах звучало настоящее тепло. Затем она кивнула мне с вежливой сдержанностью и последовала за отцом.

Дэмиан исчез, не прощаясь — просто растворился в коридорах, словно призрак вчерашнего вечера, унося с собой книгу и свои бесконечные мысли о формулах и заклинаниях.

Мы остались вдвоём. Я и маленькая, испуганная маленькая принцесса.

Я встала и подошла к девочке, движения мои были медленными, неторопливыми — движениями человека, у которого есть всё время в мире. Марианна инстинктивно сжалась, прижимая подушку ещё сильнее к груди.

— Не бойся, дитя моё, — тихо произнесла я, присаживаясь рядом с ней на удобном расстоянии — достаточно близко, чтобы показать доверие, но не настолько, чтобы напугать. — Я не стану тебя ругать. Я постараюсь научить. Научить быть самой настоящей принцессой, как в сказке. Хочешь?

Девочка робко улыбнулась в ответ.

Я протянула руку и осторожно убрала прядь волос с её

бледного лица. Движение было нежным — таким, какого она, вероятно, не помнила с тех пор, как умерла её настоящая мать.

— Ты очень похожа на свою мать, — мягко сказала я. — Я видела её портрет в Галерее Императриц. Она была очень красива. И добра. И ты станешь такой же, как она.

Глаза Марианны мгновенно наполнились слезами. При упоминании матери её маленькое тело содрогнулось, словно ей ткнули иглой в её маленькое сердечко.

— Я... — голос дрогнул, сломался. — Я убила её. — Слова вырвались шёпотом, полным самоненависти. — Это из-за меня она умерла...

«Вот она. Главная рана. Открытая, кровоточащая, никогда не заживающая. Источник всех её страхов и чувства вины».

В этот момент у меня была возможность утешить её. Сказать правильные слова, объяснить, что смерть при родах — это не вина ребёнка. Что она не выбирала рождаться. Что её мать хотела её и любила бы, если бы выжила.

Но зачем тратить время на жалкое утешение? Есть дела намного более важные. И в этом мире нет места жалости.

— Это не так, дитя моё, — тихо ответила я, но в моём голосе не было ни тени сочувствия. — Она умерла, рожая тебя. Это правда. Но ты не виновата в том, что рождена.

Марианна всхлипнула, слёзы покатались по щекам. Её маленькие плечи задрожали от беззвучных рыданий.

«Плачь, хоть все слёзы мира вылей, легче тебе не станет, девочка. Твой отец жив, и он имел наглость уничтожить мою семью».

Продолжаем спектакль:

— Но знаешь что, Марианна? — я наклонилась ближе, голос стал почти шёпотом, — Ты станешь той, кем гордилась бы твоя мама. Настоящей Императрицей.

Она резко подняла голову, в светло-карих глазах полыхнула отчаянная жажда поверить.

— Виноваты те, кто позволил этому случиться, — продолжила я мягко, но неумолимо. — Лекари, которые не смогли её спасти. Мир, который требует от женщин жертв ради продолжения рода. — Я коснулась её руки. — Но не ты. Никогда не ты.

— Правда? — прошептала она, и в этом слове было столько отчаяния, что даже кулон на моей груди дрогнул, почуяв концентрированную энергию чувств.

— Правда. — Мой голос был твёрдым, убедительным. — И знаешь, что тебе нужно сделать? Перестать прятаться. Перестать извиняться за своё существование. Ты принцесса, дитя моё. В тебе течёт кровь Императоров. Ты должна быть сильной. Такой, какой была твоя мама.

Она шмыгнула носом, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. В её движениях уже чувствовалось что-то новое — робкая решимость.

— Но... я не знаю, как...

— Я помогу тебе, моя юная принцесса, — пообещала я.
— Если ты захочешь. Я покажу тебе, как не бояться. Я научу, как быть той, к кому прислушиваются все, даже сам Император.

— Я... — она сглотнула, собираясь с духом. — Я хочу. Я хочу быть похожей на вас, Ваше Величество. Сильной. Красивой. Чтобы отец стал замечать меня.

Я улыбнулась. В этой улыбке не было ни капли настоящего тепла — только холодная, расчётливая удовлетворённость успешно проведённой операции.

«Дети — такие дети... Наивные и доверчивые. Как чистое полотно — можно превратить во всё, что заблагорассудится».

— Тогда мы начнём прямо сегодня, — сказала я мягко.
— Но это будет наша маленькая тайна, хорошо? Я научу нескольким секретам. Но нельзя, чтобы по углам судачили о той, кто станет Императрицей, верно?

Марианна согласно кивнула и улыбнулась. Тайна делала её особенной, важной. Наконец-то у неё было что-то своё, что-то, что принадлежало только ей.

«Инструменты лишними не бывают... Так, кажется, говорил наш кузнец, там, дома. Но важно и уметь ими пользоваться».

* * *

Проводив Марианну в её покои с обещанием вскоре начать занятия, я вернулась в свои апартаменты. Солнце уже

стояло высоко, заливая комнату ярким светом, и я подошла к окну, выходящему на тренировочные поля.

Внизу, на утопанной земле полигона, я увидела знакомую фигуру.

Александр.

Наследный принц находился в эпицентре ярости, и каждое движение его молодого тела было переполнено неконтролируемым гневом. Он рассекал воздух мечом с яростной, почти безумной скоростью — движения были слишком широкими, слишком размашистыми, лишёнными нужной точности.

Его волосы прилипли к потному лбу, в каждом движении было видно ненависть, которая выжигала всё внутри него. Мышцы под влажной от пота рубашкой играли с каждым ударом — он вкладывал в каждое движение всю свою боль оскорблённой гордости.

Я наблюдала, завороченная зрелищем его саморазрушения. В каждом ударе он видел моё лицо. В каждом выпаде — возможность отомстить за унижение. И поймала себя за тем, что мне нужно это. Огонь молодости, горячность тела, страсть, чувства...

Конечно, ещё бы не засмотреться на молодого рыцаря.

Кулон дёрнулся, словно его хотели сорвать.

— Видишь? — прошептал знакомый голос в моей голове, бархатный и довольный. — Ты прекрасно справляешься, Беатрис. Всего один завтрак — и уже столько прекрасных эмо-

ций. Гнев принца, страх ребёнка, разочарование и терзания Императора... — тихий смех. — Очень скоро этот мир будет гореть.

«Гори, Александр. Твои гнев и ярость — как капли нектара на губах у богов. Каждый твой удар приближает конец этого мира. Каждая капля пота, смешанная с яростью, — это песня. Последняя песня твоей обожжённой душонки».

Внизу принц остановился, тяжело дыша. Его дыхание было рваным и тяжелым, руки дрожали от перенапряжения. Он поднял глаза к окнам дворца и, казалось, на мгновение остановил взгляд именно на моём окне.

Даже на расстоянии я почувствовала эту выжигающую силу.

Принц резко отвернулся и с новой силой обрушился на тренировочные манекены. Солома и ткань летели во все стороны под ударами его клинка.

Я подошла к зеркалу и внимательно изучила своё отражение. Идеальная Императрица смотрела на меня — лицо спокойное, благородное, полное достоинства и всепоглощающего понимания.

За окном слышались звуки разрушения — Александр всё ещё сражался с соломенными врагами.

Игра началась. Фигуры расставлены на своих местах.

Кассиан — слепой император, не замечающий змею в своей постели. Роза — слишком умная для собственного блага, но пока беззащитная против манипуляций. Дэмиан —

безобидный книгочей, который не заметит катастрофы, пока она не поглотит его целиком. Марианна — идеальная кукла, готовая танцевать под мою музыку. И Александр — мой горячий и пылкий источник хаоса.

Оставалось только дожидаться, когда они начнут играть друг против друга.

А пока что... пока что я буду продолжать играть роль Идеальной Императрицы. Всему свое время.

Глава 3

Утро выдалось продуктивным. Спасибо пасынку — я довольна насытилась энергией и готова посвятить себя работе.

На дворе светило солнце и пели птички, погода была хорошая и жаркая. Платье, в котором я посетила завтрак, совсем не подходило для времяпрепровождения на улице, а именно там я и хотела заняться работой.

Меня переодели в платье из более лёгкой ткани и сменили жёсткий корсет на мягкий.

Я приказала слугам, чтобы они принесли мне документы с моего стола в розарий — место, где мне точно никто не помешает.

* * *

Я разбирала отчёты крупнейшей тёмной организации империи — «Алые тени». В голове у меня мелькнула мысль. Почему это всё так глупо? Почему я, Императрица, что-то кому-то вообще должна? Может быть, это мне должны? Может быть, самим пора думать?

Но нет, куда там. Эти люди нуждаются в контроле. За ними нужно следить. Да и Король Демонов тоже не потерпит проволочек с моей стороны. Я и сама их не потерплю. Я устала. Я правда устала. Хотелось бы побыстрее просто сжечь этот мир. И сгореть самой.

Между прочим, моему пасынку, которого зовут Алек-

сандр, когда-то отец поручил то ли приостановить деятельность этой организации, то ли найти и предоставить на суд владельца. Это было несколько лет назад.

Да, точно. Это было четыре года назад. И вот с тех пор Александр бегают, носится, рыщет, ищет, совершенно не подозревая, что владелец «Алых теней» на шаг впереди. Он совершенно не подозревает о том, кто стоит за всем этим.

Моя игра слишком сложна для него. Глупенький.

Пусть бегают. Ему нравится бегать. Но он никогда не догонит. Потому что владею «Алыми тенями» именно я. И отчитываются они мне.

Отчёты, отчёты. Так, смотрим. Зверолюдей стало больше на 15%. Наверное, это хорошо. Ещё бы товар был качественным. А не всякая шваль подзаборная. Побольше бы пантер. С ними интереснее. Они красивые. Они умные. Надо распорядиться на этот счёт. Нужно сказать владельцу, чтобы он повнимательнее к этому относился.

Отлично, хорошо.

Смотрим дальше.

А почему по другим местам так плохо? Надо бы лично встретиться и спросить, в чём дело. Он что, теряет контроль? Нет, это недопустимо. Так нельзя. Значит, ему просто надоело быть моим доверенным лицом. И надо его сменить.

Посмотрим... Да, я снова с удовольствием посмотрю на этого напыщенного гордеца. Укажу ему на его место или обозначу перспективы его движения по карьерной лестнице. Я

посмотрю, послушаю, что он мне ответит.

Вспомнилось, как я вербовала этого человека. Поначалу он даже и слушать меня не желал. А потом сам ко мне пришёл, видно, Архивариус подключился. Или сам сообразил. Или уроки дипломатии не прошли зря. А когда понял, с кем имеет дело, то стал на меня даже смотреть иначе. С какой-то таким выражением, от которого самой становилось немного не по себе. Но это не страх или покорность. Мне сложно описать его взгляд. Но в нём всегда было что-то... живое.

Хорошо.

Меня накрыло воспоминаниями. Но уже другими. Теми, которые должны были бы принести радость, но уже давно были отравлены этой ложью, фальшью и жестокостью каждого дня, который я вынуждена жить в этой золотой, насквозь прогнившей клетке.

Тогда, девять лет назад, всё это должно было подавить. Именно так и случилось. На время.

Я стояла у подножия Холма Света, а над моей головой врата Короны впивались в небо, как золотые клыки. Не ворота — пасть. И она была разинута, чтобы сожрать меня. Две створки из чёрного дуба, тяжёлые от позолоты. На них чекали барельефы: битвы, триумфы, короны.

Центральная фигура — основатель династии на вздыбленном коне. Его меч указывал в небо, словно говорил: «Смотри, как высоко мы забрались!». Да, действительно, очень высоко. По головам и горам трупов тех, кто стоял на

пути или был просто неуютен.

Солнце играло на золоте так ярко, что резало глаза. Сто-рожевые башни из белого мрамора вздымались вверх, будто рёбра гигантского скелета. На зубцах застыли гвардейцы в ослепительно белых доспехах. Не люди — статуи с живыми глазами. Их взгляды скользили по мне: холодные, оценивающие, словно я была товаром в лавке мясника. Я чувствовала их собственной кожей, как прикосновение лезвия. Их работа — защищать. Защищать эту систему, которая вот-вот перемолотит меня в пыль. Караул. Двенадцать человек в два ряда, копы, сведённые в арку.

Я шла медленно, чувствуя, как каждый шаг приближает к чему-то, что принесёт мне много тревог и боли.

Капитан, громадина со шрамом, сделал шаг вперёд. Его рука лежала на эфесе. Проверка.

Отец протянул пропуск — императорское приглашение с восковой печатью. Капитан изучал его так долго, будто пытался увидеть в этом клочке пергамента всю мою жизнь. Эти секунды растянулись в вечность. Ладони вспотели.

Ждать, когда тебе позволят войти в твою же будущую тюрьму — это особый вид насилия.

Наконец — жест. Кивок. Дозволено.

Глухой скрежет, от которого содрогнулась земля и мои кости. Не звук — ощущение. Вибрация в груди, хрип древних механизмов. Врата поползли, тяжёлые, неумолимые.

За ними — ослепительный свет. Я сделала вдох — послед-

ний глоток воздуха свободного человека — и переступила порог.

Удар сзади. Глухой, окончательный. Как крышка гроба. Пространство внутри было не двором, а демонстрацией. Белый мраморный путь, отполированный до зеркального блеска. В нём отражалось небо, облака и я — маленькое, тёмное, чужеродное пятно. Уже тогда я была пятном. Зараза, которую впустили в стерильный организм Империи.

Справа — казармы. Серые, уродливые коробки, из которых доносился ритмичный рёв, звон стали и запах — дурно пахнущая смесь пота, кожи и страха. На плацу сотни гвардейцев двигались как один механизм. Не солдаты — шестерёнки. Идеально отлаженные шестерёнки для убийства. Я смотрела на них, и меня охватывал не страх, а холодное понимание. Вот они, настоящие хозяева. Те, кто исполняет приказы. Те, кто в тот день пришли к нам домой.

Слева — конюшни. Ржание не крестьянских кляч, а существ, чья кровь стоила дороже человеческой. Белый жеребец высунул голову, его грива была заплетена серебряными лентами. Он посмотрел на меня умными, почти человеческими глазами, фыркнул и отвернулся. Даже лошади здесь знали себе цену. Конюх поклонился. Я кивнула, чувствуя себя самозванкой в своём же будущем доме.

Дальше — больная фантазия эльфа. Сад четырёх сезонов. Крокусы, тюльпаны, хризантемы, розы и вечнозелёные ели в искусственном снегу — все времена года в одной клетке. Как

аттракцион для богов, которым наскучила естественность. Я подошла к фонтану, попила воды. Вода была холодной, кристальной, со сладковатым привкусом. Даже вода здесь была не такой, как у людей. Отравиться ею нельзя — она была чище, чем их души.

Дорога пошла вверх. Лестница. Бесконечные ступени. Бока заныли, дыхание сбилось. По краям — статуи императоров. Каменные лица с пустыми глазницами смотрели на меня свысока. История Империи, высеченная в мраморе. Я остановилась у основания — Жеран Конрад. Рука на мече. У его ног — свежие розы, горящие свечи. Культ личности, удобный кровью.

Чем выше, тем сильнее ветер. Он принёс запахи: пьянящий аромат миллионов роз, сладковатый дым ладана и — жареного мяса. Желудок предательски заурчал. Я шла на аудиенцию к Императору, а мой организм требовал простой и понятной еды. Смешно.

Терраса. И вид, который должен был сломить.

Дворцы. Не один — несколько. Расставленные, как фигуры на шахматной доске.

Справа — белоснежная громада наследного принца. Строгая, как приказ генерала. Флаг с гербом. На балконе — крошечные фигурки. Там живёт Александр. Мой будущий пасынок. Моя «кормушка» для Архивариуса.

Слева — розоватый, изящный дворец Розы. Утопающий в цветах. Оттуда лилась печальная мелодия арфы. Я замер-

ла, позволив себе на секунду раствориться в этой красоте. Музыка оборвалась. Резко, как по команде. Не положено. Не для таких, как я.

Напротив — серый, могильный каменный мешок. Дворец Дэмиана. От него веяло холодом, не физическим, а тем, что исходит от забытых склепов. Мы ускорили шаг.

И маленький, яркий дворец. От него доносился смех ребёнка. Марианна. Девочка в белом гонялась за бабочкой, упала, заплакала, потом засмеялась. Простая, человеческая сцена. Она вонзилась в меня острее любого клинка. Потому что была настоящей. Последний проблеск реальности перед тем, как погрузиться в театр абсурда и теней.

В центре — фонтан. Император на коне, из-под копыт бьют струи воды. В бассейне плавали золотые рыбки. Не метафора — настоящие, с металлическим блеском чешуи. Они подплыли, открыли рты. У меня не было для них еды. Они недолго посмотрели на меня и уплыли. Даже рыбы здесь презирают тех, у кого ничего нет.

Ещё одна лестница. Сто ступеней. Я считала, чтобы не сойти с ума. По бокам — кипарисы, подстриженные в идеальные конусы. Даже деревья здесь не смели расти свободно.

Арка. Новый караул. Новые проверки.

Щелчок магии, сканирующий пропуск.

Наконец — парк. Сад вечности. Аллея, статуи-мудрецы, цветочные клумбы с геометрической жестокостью совершенства. Садовники на коленях, их руки в земле. Вот они,

единственные честные люди здесь. Они копаются в грязи, чтобы эта иллюзия оставалась кристально чистой.

Пруд зеркала небес. Водная гладь, отражающая небо с обманчивой точностью. Я прикоснулась — рябь разрушила иллюзию. Вода была ледяной. Лебедь подплыл и зашипел, вытянув шею. Его чёрный глаз-бусина смотрел на меня с немым презрением. «Простите, ваше величество», — прошептала я птице. Он уплыл, не удостоив ответом.

Лабиринт. Высокие стены зелени, манящие, пугающие. Из глубины доносился шёпот. Я сделала шаг.

— Не советую, дочь моя, — голос отца был сухим.

— Многие уходили. Не все выходили. Молодой виконт — рекорд, три дня. Его искали.

Я отступила. Лабиринт остался позади, но его зов я чувствовала спиной. Когда-нибудь. Когда-нибудь я зайду туда и не выйду. Нарочно.

Розарий Императриц. Аромат накатил волной — густой, сладкий, удушающий. Тысячи роз. Я сорвала одну — белую с золотой каймой. Поднесла к лицу. Аромат был таким... чистым. Таким красивым.

— Это для Императрицы Элианы, — голос садовника прозвучал за спиной, как удар хлыста.

— Магия. Селекция. Пять лет работы. Единственный в мире.

Я разжала пальцы. Цветок упал. Не для моих рук. Никогда не будет.

И тогда я подняла голову. Главный дворец.

Слова бессильны. Это была не архитектура, это был акт во имя величия. Белый мрамор, режущий глаза. Громада, растянувшаяся на сотни метров. Колонны, арки, балконы. Огромные золотые купола, центральный — с орлом размером с карету. Солнце задело его лучом, и отражение ударило мне в глаза, оставив тёмное пятно. Сколько голодных ртов можно было накормить этим золотом?

Мысль проскочила, горькая и бесполезная. Я прогнала её. Не время.

Площадь. Фонтан с поверженными врагами.

Вода переливалась цветами радуги — магия или насмешка? Гвардейцы. Стоящие стеной. Белые доспехи, скрытые лица. Я прошла между ними, чувствуя, как их невидимые взгляды впиваются мне в спину. Одно неверное движение — и я стану просто пятном на этом идеальном мраморе.

Врата Императора. Две створки из почернёвшего дуба, закованные в золото. На них — вся история Империи, рассказанная в металле: коронации, битвы, казни.

В центре — фигура Кассиана. Его глаза из драгоценных камней смотрели прямо на меня. Холодный, оценивающий взгляд. Я отвела глаза.

Над вратами — тимпан. Император на троне, а перед ним на коленях — Война, Мудрость, Вера и Справедливость. Все добродетели — слуги одного человека.

По бокам — каменные стражи с мечами. Мне почудилось,

что их пальцы сжимаются на рукоятях.

Караул. Снова проверка.

Снова мучительная пауза. Наконец — удар копья в дверь. Три глухих удара, отдавшихся гулом в груди. Изнутри — гулос, усиленный магией.

Приказ. Врата открылись бесшумно.

Свет. Ослепительный, золотой. Я зажмурилась, шагнула через порог.

Зал тысячи колонн. Эхо шагов множилось, будто за мной шла армия призраков.

Колонны, создающие иллюзию бесконечности. Под ногами — карта Империи из мрамора и самоцветов. Я стояла на герцогстве Миро — куске белого камня. Один неверный шаг — и растопчу чей-то дом.

Я осторожно обходила рубины-города, чувствуя абсурдное, давящее бремя. Стены — гобелены с битвами. Красные нити показывали реки крови.

В центре — Император с нимбом из золотой пряжи. Пропаганда, сотканная с гениальным мастерством. Я почти поверила. Почти.

Потолок — небесная сфера. Ангелы, славящие Императора. Люстры из хрусталя ловили свет и дробили его на тысячи радуг, которые плясали по полу. Я шла, и радуги скользили по мне, пытаясь окрасить моё серое платье. Знала бы я, что это будут последними проблесками света в моей жизни... Запах ладана. Воска. Дорогих духов. Запах власти. За-

пах системы.

Звуки: эхо, далёкая музыка, тиканье невидимых часов. Симфония абсолютной, надменной пустоты.

Люди у стен. Придворные. Их взгляды — любопытные, высокомерные, равнодушные. Я была для них диковинкой. Будущей игрушкой Императора. Я не смотрела на них. Я уже тогда училась не видеть тех, кого скоро придётся уничтожить.

В конце зала — двери в тронный зал. Чёрное дерево, золото, слоновая кость. Герб Империи с рубиновыми глазами. Они горели собственным светом.

Стража. Четверо гигантов с алебардами. Один повернул голову. Минимальное движение.

Отец показал пропуск. Гвардеец ударил древком в дверь. Тук. Тук. Тук.

Пауза. Давящая, густая.

Голос изнутри.

Приказ войти.

Створки поползли.

Свет ударил снова, залив всё золотым огнём.

Я шагнула вперёд, прикрыв глаза рукой.

Тронный зал. Пространство, созданное, чтобы сломить.

Колонны из чёрного мрамора, шире моего отца в объёме.

Пол — чёрный с белыми прожилками.

В центре — герб Империи из золота и лазурита. Наступить туда — кощунство.

Я обошла. Стены скрыты гобеленами с гигантскими лицами. Все они смотрели на одно место.

Купол. Император, возносимый ангелами. Бог? Нет. Но близко. Окна с витражами-победами окрашивали свет в кроваво-красный и синий. Пятна скользили по мне. Сначала синее, потом красное. Потом золотое. Священное.

Люстры. Сотни свечей.

Они горели днём, чтобы не оставалось теней. Негде спрятаться.

Пустые скамьи вдоль стен.

И... Трон. Десять ступеней.

Красная ковровая дорожка, истёртая до дыр коленями просителей. Мы шли по центральному проходу. Каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом, будто за мной шёл мой собственный приговор.

Трон возвышался вдали. Мраморный, золотой, притворно-величественный. Основание, вырезанное из фигур поверженных врагов. Подлокотники в виде львов с оскаленными пастьями. Спинка — орёл с крыльями, униженными драгоценными камнями. Они сверкали, создавая иллюзию, будто чудовище вот-вот взмахнёт крыльями.

Над троном парила золотая корона, медленно вращаясь и источая сияние. Магия. Левитация.

Я подняла голову и смотрела. Не с благоговением. С пониманием. Это место было создано, чтобы внушать ужас и поклонение. Чтобы каждый, кто вошёл сюда, чувствовал се-

бя ничтожеством.

И это работало. Но не до конца. Не на меня. Тогда. Не сейчас.

Где-то в глубине, под слоями страха и подавленности, уже тлела искра. Не понимания, что я отомщу. Нет. Просто понимания, что я не верю. Что всё это — театр. Дорогой, кровавый, отлаженный театр. И однажды я сорву занавес. А потом сожгу сцену.

— Госпожа?

Голос служанки вонзился в воспоминание, как игла. Я вздрогнула, отрывая взгляд от документов, которых не видела уже час.

— Солнце близится к закату. Необходимо приготовиться к ужину.

Я посмотрела на неё. Она боялась встретиться со мной глазами. Хорошо. Пусть боится. Все должны бояться.

Я кивнула, и она срывается с места, будто её подожгли.

Проклятье. Я погрузилась в прошлое так глубоко, что время утекло сквозь пальцы, как вода из того фонтана.

Вечер. Опять этот идиотский ритуал ужина. Опять маска, улыбки, ложь.

Я встала, костяшки пальцев побелели от того, как я сжала папку с отчётами «Алых Теней». Мой инструмент. Их глава — тоже мой.

Расправила складки лёгкого платья, которое казалось теперь смехотворным, детским нарядом. Вдохнула воздух,

пахнувший розами и предательством.

Я отомщу за вас, — мысленно сказала я призракам своей семьи, которые, казалось, витали в аромате роз.

— Я уже мщу. Каждый день. Каждой своей мыслью. Каждым своим вдохом в этом проклятом месте.

И медленно, с ледяным, выверенным до миллиметра достоинством, я направилась обратно во дворец. На очередное представление.

В котором мне предстояло сыграть главную роль.

Пока не придёт время сменить пьесу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.